

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Современное общество въ произведеніяхъ Боборыкина и Чехова.

(Продолженіе *).

Очень похожъ на Иванова другой самоубійца Чехова—Треплевъ въ комедіи «Чайка» (1896 г.) — также очень добродушный и очень несчастный благодаря своей неуравновѣшенности и также неудачной любви «нытикъ». Но Треплевъ не «непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія», а поэтъ-символистъ, или «декадентъ», какъ его называютъ окружающіе (изрядные дикари и варвары, какъ обыкновенно у Чехова, любящаго контрасты интеллигентности и первобытности), — и свои ощущенія описываетъ колоритнѣе и интереснѣе Иванова. Маленькая интермедія, сочиненная Треплевымъ, появляющаяся въ видѣ эпизода въ «Чайкѣ», прекрасно характеризуетъ настроеніе современнаго интеллигента пессимиста. Треплевъ символизируетъ свою душу въ фантастическомъ образѣ міровой души, въ которой слились души всѣхъ живыхъ существъ, когда-то населявшихъ землю. «Тѣла живыхъ существъ исчезли въ прахъ и вѣчная матерія обратила ихъ въ камни, въ воду, въ облака, а души ихъ всѣхъ слились въ одну, — декламируетъ въ «Чайкѣ» актриса, вся въ бѣломъ, изображающая «душу» Треплева. — Общая міровая душа — это я... я... Во мнѣ душа и Александра Великаго, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и послѣдней пиявки; во мнѣ сознанія людей слились съ инстинктами животныхъ, и я помню все, все, все, и каждую жизнь въ себѣ самой переживаю вновь.» Этимъ фантастическимъ символомъ прекрасно выражено настроеніе души поэта-восемьдесятника, который подобно Гёте могъ бы сказать, что «съ природой одною онъ жизнью дышалъ», совмѣщая въ себѣ ощущенія цѣлаго ряда живыхъ существъ, — но не можетъ объединить въ себѣ эти ощущенія «общей идеей», а потому и страдаетъ. Символическая женщина въ комедіи «Чайка» жалуется именно на безконечность своего страданія: «Отъ меня не скрыто, что въ упорной, жестокой борьбѣ съ дьяволомъ, началомъ матеріальныхъ силъ, мнѣ суждено побѣдить, и послѣ того матерія и духъ сольются въ гармоніи прекрасной, и наступитъ царство міровой воли. Но это будетъ лишь, когда мало по малу, черезъ длинный, длинный рядъ тысячелѣтій, и

луна, и свѣтлый сиріусъ, и земля обратятся въ пыль... А до тѣхъ поръ — ужасъ, ужасъ!..»

И этотъ ужасъ существованія, лишеннаго цѣли и смысла, но полнаго постоянныхъ страданій, Треплевъ кончаетъ, какъ уже мы сказали, самоубійствомъ.

Всѣ интеллигенты Чехова страдаютъ тѣмъ, что психіатры называютъ «абудіей», — безволіемъ и болѣе или менѣе близки къ ненормальному состоянію психическихъ способностей. Во всемъ ужасѣ строжайшаго реализма эта близость русскихъ интеллигентовъ-нытиковъ къ помѣшательству изображена Чеховымъ въ повѣсти «Палата № 6». Докторъ Андрей Ефимовичъ Рагинъ, постепенно забывающій здорovýchъ людей (правда, тупыхъ и глупыхъ въ сравненіи съ нимъ, интеллигентомъ — какъ всегда у Чехова) для бесѣды съ сумасшедшимъ пессимистомъ, — это все тотъ же старый профессоръ, Ивановъ или Треплевъ, которые замечались и зафилософовались сначала до психопатіи, а потомъ и до формальной «меланхоліи». Слабость и лѣнь оказались наклонною плоскостью, по которой покатился внизъ, до границъ безумія и смерти, несчастный русскій интеллигентъ. Для того, чтобы представить всѣ ступени этого паденія, достаточно прочесть страничку, изображающую первыя похождения вновь пріѣхавшаго доктора въ захолустномъ городишкѣ; когда зрѣлище неприглядной дѣйствительности — дурно содержимой городской больницы сразу запугиваетъ безвольнаго интеллигента и побуждаетъ лишь къ резонерству, въ его положеніи, въ положеніи человѣка живой, практической дѣятельности, совершенно ненормальному. Злополучный эскулапъ разсуждаетъ:

«Къ чему мѣшать людямъ умирать, если смерть есть нормальный конецъ каждого? Что изъ того, если какой-нибудь торгашъ или чиновникъ проживетъ лишнихъ пять, десять лѣтъ? Если же видѣть цѣль медицины въ томъ, что лѣкарства облегчаютъ страданія, то невольно напрашивается вопросъ: зачѣмъ ихъ облегчать? Во первыхъ, говорятъ, что страданія ведутъ человѣка къ совершенству, и, во вторыхъ, если человѣчество въ самомъ дѣлѣ научится облегчать свои страданія пилюлями и каплями, то оно совершенно заброситъ религію и философію, въ которыхъ до сихъ поръ находило не только защиту отъ всякихъ бѣдъ, но даже счастье. Пушкинъ передъ смертью испытывалъ страшныя мученія, бѣдняжка Гейне нѣсколько лѣтъ лежалъ въ парлѣжѣ; почему же не побоятъ какому-нибудь Андрею Ефимычу

*) См. „Приб. Лист.“ № 120.

или Матренѣ Савиной, жизнь которыхъ безсодержательна и была бы совершенно пуста и похожа на жизнь амебы, если бы не страданія?

Подавляемый такими разсужденіями, Андрей Ефимычъ опустилъ руки и сталъ ходить въ больницу не каждый день.»

Эти-то разсужденія и привели его въ послѣдствіи въ «палату № 6» для сумасшедшихъ, въ качествѣ меланхолика, негоднаго для общества здоровыхъ людей. «Палата № 6, одно изъ лучшихъ произведеній Чехова, по глубинѣ психологическаго анализа, есть въ то же время въ высшей степени субъективная вещь: ни въ одномъ другомъ произведеніи Чеховъ не высказалъ столько любви къ интеллигенту-восьмидесятнику и столько презрѣнія къ его слабости. Давъ добродушному Андрею Ефимычу въ пріятеля тупого Михаила Аверьяныча (что-то вродѣ гоголевскаго Ноздрева), авторъ точно приглашаетъ читателя умнозаключить: кто же изъ нихъ больше сумасшедшій?—и все же не щадитъ своего героя, казня его устами одного изъ сумасшедшихъ «Палаты № 6», превосходно раскусившаго психологію интеллигента-психопата:

«Росли вы подѣ крылышкомъ отца и учились на его счетъ, а потомъ сразу захватили синекуру. Больше двадцати лѣтъ вы жили на бесплатной квартирѣ, съ отопленіемъ, съ освѣщеніемъ, съ прислугой, имѣя при томъ право работать какъ и сколько вамъ угодно, хоть ничего не дѣлать. Отъ природы вы человѣкъ лѣнивый, рыхлый и потому старались складывать свою жизнь такъ, чтобы васъ ничто не беспокоило и не двигало съ мѣста. Дѣла вы сдали фельшеру и прочей сволочи, а сами сидѣли въ теплѣ, да въ тишинѣ, копили деньги, книжки почитывали, услаждали себя размышленіями о разной возвышенной чепухѣ и (Иванъ Дмитричъ посмотрѣлъ на красный носъ доктора) выпивахомъ. Однимъ словомъ, жизни вы не видѣли, не знаете ея совершенно, а съ дѣйствительностью знакомы только теоретически. А презираете вы страданія и ничему не удивляетесь по очень простой причинѣ: суета-суетъ, внѣшнее и внутреннее презрѣніе къ жизни, страданіямъ и смерти, уразумѣніе, истинное благо—все это философія, самая подходящая для Россійскаго лежебока».

И когда Андрей Ефимычъ попалъ на вѣчное жителство въ «палату № 6» и, сознавая свое положеніе, жалуется сумасшедшему Ивану Дмитричу, тотъ придирается его насмѣшливымъ совѣтомъ: «А вы пофилософствуйте!» — И если искать символовъ во всякой реалистической детали современнаго художествен-

наго произведенія искусства, то можно бы, пожалуй, сказать, что это не грубый с. о. рождъ Никита бьетъ кулаками въ «палатѣ № 6» сумасшедшаго Андрея Ефимыча,— это самъ авторъ колотитъ грубымъ кулакомъ сатирика и пессимиста современнаго, ослабѣвшаго до психопатіи, интеллигента—восьмидесятника.

Въ повѣсти «Дуэль» — то же сатирическое отношеніе къ слабому и на этотъ разъ глупенькому интеллигенту, Лаевскому, котораго Чеховъ подставляетъ подѣ пистолетъ и подѣ дубоватія, вродѣ кулаковъ Никиты, изболительныя проповѣди зоолога фонъ-Корена, полагающаго со всей неумолимостью фанатика—дарвиниста, что подобныхъ Лаевскому субъектовъ, въ видахъ улучшенія человѣческой расы, слѣдовало бы уничтожать. Но на этотъ разъ Чеховъ милостивъ къ своему восьмидесятнику: страхъ смерти, который Лаевскій испыталъ подѣ дуломъ пистолета фонъ-Корена, оказалъ благотѣльное вліяніе на измѣльчавшую душонку этого слабонервнаго кутилы и, оставшись живъ послѣ дуэли, онъ «скрутилъ себя» и началъ новую жизнь—скромнаго, но вполне порядочнаго человѣка.

Женщины у Чехова проще, симпатичнѣе и, въ общемъ, возвышеннѣе женскихъ типовъ Боборыкина. Есть и у него каботинки и декадентки—такова Катя въ «Скучной исторіи», потерявшая нравственный смыслъ жизни и старающаяся прикрасить свою жизнь красивыми бездѣлушками. «Если бы кто взялся нарисовать ея обстановку,—пишетъ Чеховъ,—то преобладающимъ настроеніемъ въ картинѣ получилась-бы лѣнь. Для лѣнливаго тѣла—мягкія кушетки, мягкія табуретки, для лѣнивыхъ ногъ—ковры, для лѣнливаго зрѣнія—линочіе, тусклые или матовые цвѣта; для лѣнливой души—изобиліе на стѣнахъ дешевыхъ вѣровъ и мелкихъ картинъ, въ которыхъ оригинальность исполненія преобладаетъ надѣ содержаніемъ, избытокъ столиковъ и полочекъ, установленныхъ совершенно ненужными и не имѣющими цѣны вещами, безформенные лоскутья вмѣсто занавѣсей... Все это вмѣстѣ съ боязнью яркихъ цвѣтовъ, симметріи и простора, помимо душевной лѣни, свидѣтельствуетъ еще и объ извращеніи естественнаго вкуса». Но той же Катѣ свойственно страстное стремленіе къ высшему смыслу жизни, выражающееся въ ея возгласахъ: «Я не могу дольше такъ жить! Не могу! Ради истиннаго Бога скажите скорѣе, сію минуту: что мнѣ дѣлать? Говорите: что мнѣ дѣлать?» У этой Кати—великая способность любить беззавѣтно и идеально, проявляющаяся въ ея восклицаніи по адресу героя разсказа: «О, если бы я была вашею дочерью!

Я не позволила бы пылинкѣ сѣсть на васъ, я бы безжалостно рубила всѣ тѣ деревья, которыя смѣютъ бросать на васъ тѣнь. Я сторожила бы каждую минуту вашего покоя и заставила бы себя увѣровать въ Бога, чтобы молиться за ваше счастье!» Не вина этой Кати, если ей нечего дѣлать, некого любить, некому отдавать свое любвеобильное сердце, такъ какъ герой разсказа оказывается, въ концѣ концовъ, слишкомъ ужъ незначительнымъ существомъ. Поневолѣ приходится ударяться въ декадентскіе пустяки—тѣмъ болѣе, что Катя въ душѣ—артистка.

Безусловно удаются Чехову типы влюбленныхъ женщинъ. Его Саша въ «Ивановѣ», съ ея культомъ героизма—чисто-Тургеневскій типъ. Чеховъ отмѣчаетъ, между прочимъ, интересную черточку въ этомъ типѣ. Саша до такой степени активная натура, что ей нравится до извѣстной степени нытье и слезоточивость Иванова. На вопросъ Иванова: «развѣ быть женою сильнаго и храбраго человека хуже, чѣмъ быть сидѣлкой у какого нибудь слезоточиваго неудачника?»—Саша дѣлаетъ слѣдующее, въ высшей степени любопытное, признаніе: «Хуже!.. Мужчины многого не понимаютъ. Всякой дѣвушкѣ скорѣе нравится неудачникъ, чѣмъ счастливецъ, потому что каждую соблазняетъ любовь дѣятельная... Понимаешь? Дѣятельная. — Мужчины заняты дѣломъ, и потому любовь у нихъ на третьемъ планѣ. Поговорить съ женой, погулять съ ней по саду, пріятно провести время, на ея могилкѣ поплакать,—вотъ и все. А у насъ любовь—это жизнь. Я люблю тебя; это значитъ, что я мечтаю, какъ я излѣчу тебя отъ тоски, какъ пойду съ тобой на край свѣта... Ты на гору и я на гору; ты въ яму, и я въ яму. Для меня, наприимѣръ, было бы большимъ счастьемъ всю ночь бумаги твои переписывать, или всю ночь сторожить, чтобы тебя не разбудилъ кто-нибудь, или идти съ тобой пѣшкомъ верстъ сто... Помню, года три назадъ, ты разъ, во время молотбы, пришелъ къ намъ весь въ пыли, загорѣлый, измученный и попросилъ пить: «Шурочка, дайте, голубчикъ, водицы!» Принесла я тебѣ стаканъ, а ты уже лежишь на диванѣ и спишь, какъ убитый. Спалъ ты у насъ полсутки, а я все время стояла за дверью и сторожила, чтобы кто не вошелъ. И такъ мнѣ было хорошо!.. Чѣмъ больше труда, тѣмъ любовь лучше,—то есть она, понимаешь ли, сильнѣй чувствуется!»

Всѣв. Чехихинъ.

(Окончаніе будетъ).